

*Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским*

Москва

16 марта 1939 г.

Гжибовский пришел по поручению Бека установить контакт в связи с последними международными событиями, изложить позицию Польши и выяснить нашу. Гжибовский при этом сделал существенную оговорку, что полученная им инструкция была послана ему из Варшавы в ночь на 15-е, когда еще не было известно о превращении Чехии и Моравии в германские провинции, а посему она базировалась на тогдашней осведомленности Варшавы, а именно: на отделении Словакии при существовании чешского правительства¹. Возможно, что в свете новых событий польская позиция подлежит дальнейшей эволюции. Независимость Словакии, даже под протекторатом Берлина, не вызывает возражений со стороны Польши, которая заняла позицию благожелательного нейтралитета. Польшу, конечно, интересует карпатский участок, ибо она сохраняет свое стремление к присоединению этого участка к Венгрии и к установлению польско-венгерской границы. Это единственный пункт, в котором Польша может проявлять активность.

Гжибовский при этом сообщил мне о прослушанном сегодня французском радиовещании, которое передавало, будто генерал Прхала² обратился в Будапешт в качестве представителя германского рейхсвера с требованием о немедленном приостановлении продвижения венгерских войск к Карпатской Украине, на что Будапешт ответил о технической невозможности выполнения этого требования. По сведениям Гжибовского, венгерские войска должны были вчера ночью дойти до польской границы, а румыны заняли интересующую их часть Карпатской Украины.

Я сказал послу, что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше. Не может ли посол объяснить мне, что дает эта независимость Словакии Польше? Беку, вероятно, должно быть ясно, что никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы. Гжибовский начал путано объяснять, что еще раньше, до сентябрьских событий, было очень сильно влияние Германии в Словакии и что она поддерживала тесный контакт с партией Глинки, что это влияние в последнее время еще более усилилось, но Польша предпочитает влияние открытое завуалированному.

Я выразил свое недоумение по поводу таких объяснений, указав, что если Германия, желая расчленения Чехословакии, установила контакт со словацкими сепаратистами, то это не означает еще влияния на Словакию или на словацкий народ, что, каково бы ни было это влияние, оно не может идти в сравнение с установленным теперь непосредственным управлением Германией всей внутренней и внешней жизнью Чехословакии, а потому мне все же непонятно, почему Польшу радует это событие. Гжибовский должен был согласиться со мною, признав, что, собственно говоря, Польша должна считаться с совершившимся фактом и, желая сохранить симпатии словаков, она не может выступать против их независимости. «Значит, Польша делает хорошую мину при

плохой игре?» — спросил я. Гжибовский ответил, что если это и так, то ведь официально об этом нельзя говорить. На мой вопрос, не проистекает ли радость Польши из того, что отделение Словакии облегчает переход Карпатской Украины к Венгрии, Гжибовский ответил, что, как Польша ни хочет общей границы с Венгрией, она не согласилась бы заплатить за это такую цену, как отдача Словакии в руки Германии.

На мой вопрос, как, по мнению посла, Польша отнесется к последующим событиям поглощения Германией Чехии и Моравии, Гжибовский ответил, что ему это неизвестно, но он полагает, что Варшаве ясны последствия усиления Германии весьма ценным чешским оружием, а также золотом, хотя, с другой стороны, Германия будет ослаблена нарушением однородности ее населения. На мои дальнейшие вопросы Гжибовский решительно отрицал возможность какой-либо предварительной сделки между Польшей и Германией в связи с чешскими событиями. В доказательство он сослался на выступление Бека, который в случае сделки, по крайней мере, умолчал бы об отношениях с Чехословакией.

Я заявил Гжибовскому, что мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но что с этим принципом ничего общего не имеет провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах. Мы всегда были также за добровольное объединение малых народов, в особенности таких родственных по языку, культуре и истории, как чешский и словацкий. Малым народам трудно отстаивать свою независимость, но гораздо легче это делать, когда они добровольно входят в более сильное государственное образование. Мы считали вполне естественным образование единого Чехословацкого государства. Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство, типа Манчжоу-Го. По существу мало что изменилось, ибо уже раньше Чехословакия, принимавшая приказы Берлина и приспособлявшая свою внутреннюю жизнь к этим приказам, не могла рассматриваться как самостоятельное государство. Изменение формы, однако, тоже много значит, и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии.

Литвинов

Публикуется по сб.: «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны», с. 238—240.

¹ См. прим. 1 к док. 438.

² Прхала Л.— чехословацкий генерал. Во время мобилизации в сентябре 1938 г. командовал 4-й армией.

440

Письмо чехословацкого писателя С. Турека¹ иностранной комиссии Союза советских писателей

Прага

16 марта 1939 г.

Уважаемый товарищ!

Пишу наспех, а потому — по-чешски. Спасибо за любезное письмо и за приятное сообщение, что моя книга будет издана у вас². Вы уже знаете о том, что случилось. Вы спрашивали, над чем я работаю.